

ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ

Конец утопии*

Сегодня любая форма конкретного мира, человеческой жизни, любое преобразование технического и природного окружения представляет собой возможность, и положение этой возможности является историческим. Сегодня мы способны превратить мир в ад, и мы уже на пути к этому. Мы также способны превратить его и в противоположность ада. Это означало бы конец утопии, то есть опровержение идей и теорий, использующих понятие утопии с тем, чтобы выступить с осуждением определенных социально-исторических возможностей. «Конец утопии» также может быть понят как «конец истории» в том смысле, что новые возможности человеческого общества и окружающей его среды нельзя больше считать ни продолжениями старого, ни даже существующими с ними в одном и том же историческом континууме. Скорее, они предполагают разрыв с историческим континуумом; они предполагают существование качественного различия между свободным обществом и по-прежнему несвободными обществами — различия, которое, по словам Маркса, делает всю предшествующую историю лишь предысторией человечества.

Но я полагаю, что даже Маркса еще слишком сильно сдерживало представление о континууме прогресса, что даже его идея социализма еще — или уже — не означала решительного отрицания капитализма, которое предполагалось ею. То есть сегодня понятие конца утопии подразумевает необходимость по крайней мере общего обсуждения нового определения социализма. В основе такого обсуждения лежал бы вопрос о принадлежности основных составляющих марксова понятия социализма к устаревшему ныне этапу развития производительных сил. Устарелость эта, на мой взгляд, наиболее явно выражена в различии между царством свободы и царством необходимости, согласно которому существование и осмысление царства свободы возможно лишь за пределами царства необходимости. Подобное разделение предполагает, что царство необходимости остается таковым в смысле царства отчужденного труда, а значит, говорит Маркс, в нем возможна лишь наиболее рациональная организация труда и максимальное его сокращение.

* Herbert Marcuse, *Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia*. Boston: Beacon Press, 1970, pp. 62-69.

Но этот труд по-прежнему принадлежит царству необходимости и, следовательно, является несвободным. Я полагаю, что одной из новых возможностей, связанных с качественным различием между свободным и несвободным обществом, является возможность возникновения царства свободы в царстве необходимости – в самом труде, а не только за его пределами. Придавая этой спекулятивной идее провокационную форму, я бы сказал, что нам необходимо признать возможность пролегания пути к социализму от науки к утопии, а не от утопии к науке.

Утопия – понятие историческое. Оно относится к проектам социальных изменений, которые считаются невозможными. Почему невозможными? Согласно традиционному представлению об утопии, невозможность осуществления проекта нового общества имеет место тогда, когда преобразованиям препятствуют субъективные и объективные факторы данной общественной обстановки – так называемая незрелость социальной ситуации. Коммунистические проекты времен Великой французской революции и, возможно, социализм в наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических странах являют собой примеры действительного или мнимого отсутствия субъективных и объективных факторов, которые, по-видимому, делают их осуществление невозможным.

Однако проект социального преобразования может также считаться неосуществимым, потому что он противоречит определенным научно установленным законам, биологическим законам, физическим законам; например, такие проекты, как давняя идея вечной молодости или идея возвращения к мнимому золотому веку. Полагаю, что ныне мы можем говорить об утопии только в этом последнем смысле, а именно – когда проект социальных изменений противоречит действительным законам природы. Только такой проект является утопическим в строгом смысле слова, то есть внеположным по отношению к истории, но даже эта «неисторичность» имеет исторический предел.

Другая группа проектов, невозможность которых обусловлена отсутствием субъективных и объективных факторов, в лучшем случае может быть названа только «временно» неосуществимой. Выделенные Карлом Манхеймом критерии неосуществимости таких проектов неудовлетворительны по той простой причине, что, во-первых, неосуществимость выясняется лишь по прошествии времени. И нет ничего удивительного в том, что проекты социальных преобразований называют неосуществимыми, потому что они не были осуществлены в истории. И, во-вторых, критерий неосуществимости в этом смысле неудовлетворителен еще и потому, что вполне возможна ситуация, когда осуществлению революционного проекта препятствуют противодействующие силы и тенденции, которые могут быть преодолены и преодолеваются именно в ходе революции. Поэтому сомнительно приводить отсутствие определенных субъективных и объективных факторов в качестве довода против осуществимости коренного преобразования. В частности, – и этот вопрос интересует нас здесь – тот факт, что в наиболее развитых в техническом отношении капиталистических странах невозможно выделить революционного класса, не означает утопичности марксизма. Согласно Марксу, социальные агенты революции формируются только в ходе самого

преобразования, и нельзя рассчитывать на ситуацию, когда в начале революционного движения революционные силы существуют, если можно так выразиться, в готовом виде. Но, на мой взгляд, есть лишь один надежный критерий возможного осуществления, а именно — когда имеются материальные и интеллектуальные силы для преобразования, но их рациональному использованию препятствует существующая организация производительных сил. И в этом смысле, я полагаю, сегодня мы действительно можем говорить о конце утопии.

Наличествуют все материальные и интеллектуальные силы, которые могут быть использованы при создании свободного общества, а то, что они не используются для достижения этой цели, объясняется тотальной мобилизацией существующего общества против собственного потенциала освобождения. Но подобная ситуация никоим образом не делает утопичной саму идею коренного преобразования.

В этом смысле ликвидация бедности и нищеты возможна как ликвидация отчужденного труда и того, что было названо мной «прибавочным подавлением». Даже в буржуазной экономической науке едва ли найдется серьезный ученый или исследователь, который стал бы отрицать, что в техническом отношении голод и нужду можно ликвидировать при наличии уже существующих производительных сил и что происходящее сегодня объясняется глобальной политикой репрессивного общества. И хотя мы согласны с этим, нам до сих пор недостаточно ясно значение этой технической возможности ликвидации бедности, нищеты и труда. Подразумевается, что эти исторические возможности должны пониматься в формах, означающих разрыв, а не преемственность с предшествующей историей, ее отрицание, а не ее положительное продолжение, расхождение, а не развитие. Они означают освобождение измерения человеческого существования этой стороны материального базиса, преобразование потребностей.

На кону стоит идея новой теории человека — не только как теории, но и как способа существования: идея возникновения и развития жизненной потребности в свободе и жизненных потребностей свободы — свободы, которая больше не основывается на нехватке и необходимости отчужденного труда и не ограничивается ими. Развитие качественно новых человеческих потребностей проявляется в виде биологической необходимости; они представляют собой потребности в строгом биологическом смысле слова. Ибо среди значительной части манипулируемого населения развитых капиталистических стран потребность в свободе не является жизненно важной, необходимой потребностью или перестала быть таковой. Наряду с этими жизненными потребностями новая теория человека также предполагает возникновение новой морали в виде отрицания унаследованной иудео-христианской морали, которой до сих пор определялась история западной цивилизации. Именно преемственность развиваемых и удовлетворяемых в репрессивном обществе потребностей вновь и вновь воспроизводит такое общество в самих индивидах. Индивиды воспроизводят репрессивное общество в своих потребностях, которые сохраняются даже в ходе революции, и именно эта преемственность до сих пор препятствовала скачку от количества к качеству свободного общества. Эта идея предполагает, что человеческие потреб-

ности носят исторический характер. Все человеческие потребности, включая сексуальность, лежат за пределами животного мира. Они определяются историей и изменяются в ходе ее развития. И разрыв с преемственностью этих потребностей, уже содержащих подавление в себе самих, скачок к качественному различию, представляет собой не простое изобретение, а неотъемлемое свойство развития самих производительных сил. Это развитие достигло такого уровня, при котором оно действительно нуждается в новых жизненных потребностях для раскрытия своих потенциальных возможностей.

Каковы тенденции производительных сил, которые делают возможным этот скачок от количества к качеству? Прежде всего, технизация господства подрывает основание господства. Последовательное сокращение физического труда в производственном процессе (процессе материального производства) и его замещение во все большей степени умственным трудом приводит к сосредоточению общественно необходимого труда в классе специалистов, ученых, инженеров и т.д. Это означает возможность освобождения от отчужденного труда. Безусловно, речь идет только о тенденциях, но тенденциях, которые основываются на развитии и продолжающемся существовании капиталистического общества. Если капитализму не удастся воспользоваться этими новыми возможностями производительных сил и их организации, производительность труда упадет ниже уровня, требуемого нормой прибыли. И если капитализм, приняв во внимание это требование, все же продолжит автоматизацию, он столкнется с собственным внутренним пределом: источники прибавочной стоимости, необходимой для поддержания обмена в обществе, будут исчерпаны.

В «Экономических рукописях 1857-1859 годов» Маркс показал, что полная автоматизация общественно необходимого труда несовместима с сохранением капитализма. Автоматизация — это только название тенденции, вследствие которой происходит беспрецедентное отделение необходимого физического труда, отчужденного труда, от процесса материального производства. Такая тенденция, при условии ее освобождения от оков капиталистического производства, привела бы к творческому экспериментированию с производительными силами. В сочетании с ликвидацией бедности эта тенденция означала бы превращение игры с потенциальными возможностями человека и природы в содержание общественного труда. Творческая фантазия стала бы конкретно структурированной производительной силой, свободно описывающей возможности свободного человеческого существования, исходя из соответствующего уровня развития материальных производительных сил. Но для того, чтобы такие технические возможности не стали возможностями подавления, чтобы они смогли выполнить свою освобождающую функцию, они должны подкрепляться и направляться потребностями, ведущими к освобождению и удовлетворению.

Когда отсутствует жизненная потребность в упразднении (отчужденного) труда, когда, напротив, наличествует потребность в сохранении и расширении труда, даже когда тот утрачивает свою общественную необходимость; когда нет жизненной потребности в радости, счастье с чистой совестью, а есть невероятно убогая потребность извлекать прибыль из всего, что только можно; когда указанных жизненных потребностей нет или же

они задушены репрессивными потребностями, остается ожидать действительного превращения новых технических возможностей в новые возможности властного подавления.

Мы уже знаем, что кибернетика и компьютеры могут способствовать установлению всестороннего контроля над человеческим существованием. Новые потребности, которые на самом деле представляют собой решительное отрицание существующих потребностей, сначала проявляются в виде отрицания потребностей, которые поддерживают существующую систему господства, и отрицания ценностей, на которых они основываются: например, отрицания потребности в борьбе за существование (последняя, по общему мнению, необходима, а все идеи или фантазии, которые говорят о возможном устранении борьбы за существование, таким образом, противоречат этим естественным и общественным условиям человеческого существования); отрицания потребности зарабатывать на жизнь; отрицания принципа производительности труда, конкуренции; отрицания потребности в опустошительном, губительном производстве, неразрывно связанном с разрушением; и отрицания жизненной потребности в лицемерном подавлении инстинктов. Такие потребности отрицались бы жизненной биологической потребностью в мире, которая сегодня не является жизненной потребностью большинства, потребностью в спокойствии, потребностью быть одному, с самим собой или с другими людьми, которых каждый выбирает для себя сам, потребностью в красоте, потребностью в «незаслуженном» счастье — и все это не просто в виде индивидуальных потребностей, но в виде общественной производительной силы, в виде социальных потребностей, которые могут быть активизированы посредством управления и распоряжения производительными силами.

Став производительной силой общества, эти новые жизненные потребности сделали бы возможной полную техническую реорганизацию конкретного мира человеческой жизни, и я полагаю, что новые человеческие отношения, новые отношения между людьми, были бы возможны только в таком реорганизованном мире. Когда я говорю о технической реорганизации, я опять-таки говорю о наиболее развитых капиталистических странах, где такая реструктуризация означала бы освобождение от ужасов капиталистической индустриализации и коммерциализации, полное переустройство городов и восстановление природы. Надеюсь, что, когда я говорю об освобождении от ужасов капиталистической индустриализации, понятно, что я не выступаю за романтический отказ от технологии. Напротив, я полагаю, что потенциал, освобождающий блага технологии и индустриализации, не станет реальным и зримым до тех пор, пока не будет положен конец капиталистической индустриализации и капиталистической технологии.

Особенности упомянутой мною здесь свободы — это особенности, которым до сих пор не было уделено должного внимания в современных размышлениях о социализме. Даже у левых понятие социализма слишком часто рассматривалось с точки зрения развития производительных сил, увеличения производительности труда, чего-то, что было не только оправданным, но и неизбежным на том уровне производительности, на котором была развита идея научного социализма, но который сегодня по крайней мере должен быть переосмыслен. Сегодня мы должны попытаться обсудить и ус-

тановить — без всякого стеснения, даже когда это может показаться смешным — качественное различие между социалистическим обществом как свободным обществом и существующим обществом. И именно здесь, если мы подыскиваем понятие, которое, возможно, способно обозначить качественное отличие социалистического общества, то, по крайней мере мне, сама собой на ум приходит эстетически-эротическая сторона существования. Здесь понятие «эстетическое» берется в его первоначальном смысле, то есть как форма отзывчивости и как форма конкретного мира человеческой жизни. При таком понимании «эстетического» намечается сближение технологии и искусства, работы и игры. Неслучайно, работы Фурье вновь становятся актуальными среди авангардистской левой интеллигенции. По признанию Маркса и Энгельса, Фурье был единственным, кому удалось четко установить качественное различие между свободным и несвободным обществом. И он, в отличие от Маркса, не отрекся от своих слов о возможности существования общества, где работа становится игрой, общества, где даже общественно необходимый труд может быть организован в гармонии с освобожденными подлинными потребностями людей.

В заключение сделаю еще одно замечание. Я уже указывал, что, если критическая теория, которая по-прежнему находится в долгу перед Марксом, не желает ограничиваться всего лишь улучшением существующего положения вещей, она должна содержать в себе предельные возможности свободы, которые были обозначены здесь в самом грубом виде, скандальный факт качественного различия. Марксизм должен отважиться дать такое определение свободы, которое позволило бы людям осознать и признать ее в качестве того, чего уже не существует нигде. И именно поэтому так называемые утопические возможности вовсе не утопичны, но представляют собой решительное социально-историческое отрицание существующего, которое требует от нас весьма реального и прагматического противодействия, чтобы и мы сами, и другие осознали существование этих возможностей и сил, препятствующих их осуществлению. Подобное противодействие требует освобождения от всяких иллюзий, равно как и от всякого пораженчества, ибо самим своим существованием пораженчество предает возможность свободы ради сохранения существующего положения вещей.

Перевод с английского Артема Смирнова